

Лисанюк Е.Н.

РИТОРИКА И ФОРМАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТИКА.¹

В статье обосновывается положение о том, что формальная диалектика Ч. Хэмблина обладает определенными риторическими свойствами. Основные аргументы в поддержку этого состоят в том, что диалектические системы формализуют коммуникативный протокол диалогового взаимодействия, в котором участники обладают определенной тактической и стратегической свободой.

In the paper, I argue that Ch. Hamblin`s formal dialectic exhibits certain rhetorical features. The support for this comes from two considerations. First, the dialectical systems formalize communicative procedure of dialogue interaction in which the participants have definite functional and strategic features.

Ключевые слова: *формальная диалектика, риторика, Ч. Хэмблин, логический анализ диалога, прагматика, формальная теория ошибок в рассуждениях, аргументация.*

Key words: *formal dialectic, rhetoric, Ch.Hamblin, logical approach to dialogue, pragmatic, formal theory of fallacies, argumentation.*

1. Терминологические замечания.

Случилось так, что оба термина, вынесенные в название этой статьи, относятся к весьма нагруженным в том смысле, что заинтересованный читатель вполне может встретиться и с риторикой и с диалектикой и в строгом академическом дискурсе, и в учебном, и в литературном и, пожалуй, в ироническом. Впрочем, даже определив специфику повествования, можно, тем не менее, легко обмануться как в том, так и в другом термине — хотя бы по причине значительного исторического «багажа»,

¹ Исследование поддержано РГНФ, проект № 08-03-00552а.

имеющегося и у риторики, и у диалектики. Поэтому я начинаю с необходимых терминологических соглашений, оставляя обозначение цели своего исследования до п.2.

1.1. Стандартная и нестандартная риторика.

Риторику считают искусством красноречия, причисляют к искусствам, иногда к наукам, а подчас и ограничивают ее область нелицеприятно излишней и поэтому пустословной напыщенностью [Гаспаров БСЭ].

Условимся различать риторику стандартную и нестандартную,² и при помощи этого разграничения зафиксируем разные подходы к пониманию того, что является предметом риторического знания. Под стандартным подходом к риторике, или стандартной риторикой, будем понимать «теорию и мастерство эффективной (целесообразной, воздействующей, гармонизирующей) речи» [Михальская 2005, 5]. Классическая риторика, ведущая свою историю от древнегреческих мыслителей, таким образом, вполне согласуется со стандартным подходом. Сторонникам стандартного понимания свойственно считать, что риторика — это наука о способах построения выразительной речи в разных письменных и устных жанрах и она «учит ... анализировать различные обстоятельства общения: учитывать, с кем ... говорят, для чего, где, когда и как — адекватному речевому поведению» [Ладыженская, 2006].

Нестандартный подход состоит в том, что под риторикой понимают особое отношение между мыслью и словом [Волков 2003, 3], такое, что мысль не только становится доступнее, понятнее или убедительнее, но и вообще *становится*, т.е. начинает существовать как мысль, будучи выраженной в слове, выступающем как «средство формирования мысли, средство присутствия мысли» [Мигунов 2001, 82]. К нестандартному подходу к риторике можно отнести риторические теории С.С.Аверинцева, М.М.Бахтина, М.Ю.Лотмана, Мигунова А.И., Чуешова В.И. и др. Н. Решер, которого я также считаю сторонником нестандартного подхода, видит отличие риторики от аргументации в том, что аргументация есть выведение чего-либо из уже

² Термины «стандартная\нестандартная» выбраны мною как наименее нагруженные. По этой причине варианты «классическая\неклассическая», «традиционная\современная» и т.п. не подошли. Это разграничение («стандартная\нестандартная») не утверждает существования какого-либо стандарта и отклонений от него, равно как и не исходит из того, считается ли риторика *искусством* красноречия, или же она есть *теория* литературного стиля, а также не постулирует отклонение нестандартных концепций от стандартных в каком-либо отношении.

имеющегося, например, из посылок, тогда как риторика есть создание имеющегося, невыводного, данного как такового [Решер 1998, 316-7].

Обсуждая здесь риторику в связи с формальной диалектикой, я буду иметь в виду нестандартный подход к риторике.

1.2. Диалектика и формальная диалектика.

Термин «диалектика» имеет едва ли не более разнообразную историю и спектр толкований, чем обстоит дело с риторикой.

Известно, что науку, сегодня именуемую логикой, в античности и средневековье называли диалектикой. В частности, к диалектике древние относили следующие учения: о высказывающей речи и ее структуре, рассуждении (силлогизмах), об отыскании аргументов и их расположении, об ошибках в рассуждениях (софистических опровержениях) [Лисанюк 2003, Лисанюк 2004]. Пожалуй, именно это, первоначальное, понимание диалектики наиболее близко тому, о чем пойдет речь ниже.

Последующее развитие корпуса знания, именовавшегося древними диалектикой, привел к тому, что некоторые его разделы, а именно, — исследующие речь, аргументы и т.п., по сравнению с остальными, изучающими *формальные* каноны рассуждений, стали существенно менее значимыми, а то вовсе были выведены за пределы этого корпуса.

Сегодня говорить о том, что в XX веке имел место бурный рост интереса к вопросам риторики и аргументации, стало общим местом, или своего рода топом, в риторическом смысле этого слова. Для дисциплины, обновленной в результате этого внедрения, пока еще не слишком удачно называемой теорией аргументации, исследователи усиленно ищут новое наименование,³ и это свидетельствует, надо полагать, о том, что проблема предмета и объекта ее исследования все еще находится в стадии становления.

³ Из известных мне укажу на аргументологию, аргументорику и аргументалистику, — названия, предложенные Брюшинкиным В.Н. и Чушовым В.И. Мне кажется, однако, что стремление закрепить в названии новой дисциплины аргументативный характер предмета ее исследования существенно сужает понимание объекта исследования — диалогическую форму убеждения.

В то же самое время, когда происходил этот бурный рост и обновление, в сугубо формальном стане, вытеснившим ранее из диалектики ее коммуникативную составляющую, — в области математической логики — вызрели тенденции, позволившие по-новому увидеть суть диалога как взаимодействия (двух и более) субъектов рассуждения на тему установления истинности или приемлемости высказываний. Идеи диалогической логики (диалогических игр) П. Лоренцена, [Лоренцен, 1978, 1-8] истоки которой он видел, с одной стороны, в античной диалектике, а с другой, в концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна, позволили использовать логику как процедурный канон не только монологического молчаливого рассуждения в интеллекте, но и диалогического взаимодействия определенного типа.

Сообщество логиков оперативно отреагировало на «диалектический» вызов, и во второй половине XX века было предложено еще две логические концепции, могущие претендовать на то, чтобы называться «диалектическими логиками» или «формальными диалектиками»: теория формальных дискуссий Н. Решера [Решер, 1977] и собственно формальная диалектика Ч. Хэмблина [Хэмблин, 1970]. На современном этапе каждый из трех проектов «новой диалектической логики» вырос в традицию, имеет последователей и успешно развивается. Диалоговые игры — это логическая теория двуагентного вывода (двуагентной игры), для которой были построены формальные системы классического, интуиционистского и конструктивного типов, а также некоторые модальные и прагматические приложения. Подход Н. Решера дал толчок исследованиям в области немонотонной логики и логики с умолчаниями [Праккен, Фреесвейк, 2002, 218-319]. Формальная диалектика развивается в направлении создания специальных протоколов диалога [Уэллс, Рид, 2006, 74-87]. Отечественному исследователю наиболее знакомо, пожалуй, одно из неформальных ответвлений диалогической логики — проект прагма-диалектики, развиваемый группой коллег из Университета Амстердама под руководством профессора Ф. ван Еемерена [Еемерен, Гроотендорст, 1994].

Особое место занимает диалектическая логика в советской философии. Осмысление этого методологического феномена еще только начинается в отечественных исследованиях [Бродский, 2008], поэтому, надо надеяться, результаты не заставят себя долго ждать. Ограничусь лишь замечанием о том, что, на мой взгляд,

рассматривать советскую диалектическую логику как «наследницу» гегелевского и марксова подхода к диалектике — это чрезмерное обобщение.⁴

Здесь использовать термин «диалектика» я буду для обсуждения особенностей формальной диалектики как одной из концепций диалектической логики, предложенной Ч. Хэмблиным в 8-ой главе трактата 'Fallacies' («Ошибки в рассуждениях»).

2. Цель и план исследования.

«Диалектика, описательная или формальная, есть более общее изучение, чем логика, в том смысле, что логика может быть понята как совокупность диалектических соглашений. Когда правила логики соблюдаются всеми участниками и определенные логические цели являются частью общей цели — это есть некий идеал для дискуссий определенных видов», писал Ч. Хэмблин, [Хэмблин 1970, 256] характеризуя суть формальной диалектики. Таким образом, участники формально-диалектической диспутации вступают в нее ради некоторой логической цели, скажем, установления логического значения какого-либо высказывания, и производят ходы по правилам (некоторой) логики. Выходит, что отличием между формальным выводом и диалектическим диспутом служит наличие участников и функционального протокола их взаимодействия, помимо логических правил корректных переходов от одних правильно построенных выражений к другим. Они последовательно принимают (отклоняют) выдвигаемые друг другом позиции (посылки) и тем самым дают (отклоняют) санкцию на переход к следующей позиции. Коль скоро в диалектическом диспуте предполагается участие двух более сторон, естественно допустить, что помимо общего логического «поведения» в части переходов от одной позиции к

⁴ Ср.: «Если бы не прискорбная история, произошедшая после Гегеля и Маркса с понятием диалектика, раздел логики, в котором исследуется диалектический силлогизм, следовало бы назвать диалектической логикой. Произошла внешне парадоксальная метаморфоза понятия. Добавление признака "диалектическая" в определенном его толковании вывело вновь образованное понятие "диалектическая логика" за пределы, казалось бы, его родового понятия. Диалектическая логика в ее гегелевском и марксистском толковании перестала быть логикой в традиционном понимании этого слова». [Мигунов, 2002, 340] и «Поскольку же логическая форма... была понята как форма деятельности, одинаково хорошо осуществляющейся как в движении слов-терминов, так и в движении вещей, ... постольку тут впервые и возникла возможность специально проанализировать ее как таковую, абстрагируясь от особенностей ее выражения... (в том числе от тех, которые связаны со спецификой ее реализации в материи языка)». [Ильенков, 1984, 119]

другой, у каждой из них имеется некоторая свобода действий, хотя бы для того, чтобы принять или отклонить некоторую позицию.

В чем же состоит эта свобода? Я считаю, что в риторических аспектах поведения участников в диалоге (в том числе), и проявляется в том, что имеется (а) свобода выдвижения положений для обсуждения и (б) свобода выбора стратегии. Для того чтобы обосновать это утверждение, в п. 3 я предлагаю реконструкцию теории формальной диалектики Хэмблина, в ходе которой особое внимание будет уделено выявлению (а) и (б), о чем пойдет речь в п.4.

Но прежде чем приступить к реализации этого плана, следует ответить на важный вопрос: носят ли (а) и (б) риторический характер вообще? В стандартном понимании риторики, разумеется, нет. В самом деле, как станет ясно из реконструкции формально-диалектического диспута, в нем по определению *нет речи* в привычном ее понимании, потому что вместо естественного языка есть лишь формальный и описываемые при помощи него формализованные ходы участников. Для формализованных ходов, организованных согласно процедурным правилам диалогов, или диалектическим систем, говорить о способах построения выразительной речи не приходится. Дело обстоит таким образом, потому что в любой формальной теории выразительность ограничена специально устанавливаемыми для нее грамматической, морфологической и синтаксической корректностью (соответствие определению формального языка некоторой теории и правилам построения осмысленных выражений и разрешенных переходов между ними).

Однако если иметь в виду нестандартную риторику, то особенность представления мысли средствами формальной диалектики при помощи этих формализованных языков как раз и состоит в (а) и (б). Иными словами, чтобы один участник мог донести свою мысль до другого, ему надлежит сформулировать ее средствами (в данном случае) формальной диалектики, а это значит сначала предложить партнеру провести некий диалог, т.е. (а), в котором стараться наиболее эффективно выразить ее, что и составляет (б).

3. Основоположения формальной диалектики.

3.1. Общие замечания о формальной диалектике.

Предваряя изложение своей концепции, Хэмблин пишет: «Формальная диалектика... не зиждется на анализе ошибок (fallacies) в качестве своего единственного обоснования, и менее всего на анализе ошибок из списка общепринятых. Это дисциплина, к которой нас неявным образом подводит содержащееся в учебниках обсуждение ошибок, и которая представляет собой неустановленное пока основание этих дискуссий. Она, вероятно, вытеснит из употребления эти дискуссии подобно тому, как Формальная Логика вытеснила Топику. Ее связь с изучением ошибок, по общему признанию, не является непосредственной, и время от времени мы также обнаруживаем некоторые ее элементы в позитивных теориях рассуждений. Однако если разрозненные обсуждения ошибок продолжаются и требуют некоторого обоснования, помимо своей развлекательной ценности, то именно формальная диалектика должна им быть». [Хэмблин 1970, 256]

Несмотря на то, что свою концепцию формальной диалектики Хэмблин предложил в сочинении, посвященном анализу классификации ошибок в рассуждениях, формальная диалектика была им выдвинута в качестве логической теории убеждающего диалога. Особенности такой теории, согласно его замыслу, должны были выступать следующие ее характеристики. Во-первых, ее нормативный характер, по аналогии с тем, как это обстоит в теории логического вывода; во-вторых, собственно логические основания синтаксиса, то есть переход от одной позиции к другой должен производиться по логическим правилам;⁵ и, в-третьих, наличие специальных правил предписывающего характера, конституирующих коммуникативный протокол взаимодействия сторон.

То обстоятельство, что теория призвана была упорядочить необъятное до этого множество ошибок в рассуждениях и их классификаций, Хэмблин не считал первостепенным.

Под ошибками Хэмблин понимал разного рода приемы и уловки, используемые преимущественно в убеждающих дискуссиях. Начало изучению ошибок в рассуждениях положил Аристотель в трактате «О софистических опровержениях»,

⁵ В книге нет специальных указаний на то, какую именно логическую систему, однако из правил S1-S5 очевидным образом можно заключить, что это неклассическая логика. Явным образом вводятся только разграничения правил для дедуктивных и для индуктивных рассуждений.

заклеймив такие приемы как «уловки софистов». Основную проблему анализа ошибок в рассуждениях Хэмблин видел в несистематическом характере предшествующих классификаций. Ошибка в рассуждении приводит к ситуации, когда вопреки тому, что заключение кажется логически следующим из посылок, на проверку оказывается, что заключение не следует из них корректным образом. Хэмблин считал, что если в рассуждении идентифицировали какую-либо ошибку, то причина ее ошибочности должна быть равным образом идентифицируема и в других подобных случаях [Хэмблин 1970, 254]. Формальная диалектика призвана была стать упорядочивающим основанием для них в силу того, что ее каноны позволили бы представить разнородный свод ошибок в рассуждениях систематическим образом.

3.2. Формально-диалектические системы, вклады и правила.

Под диалектической системой вслед за Ч. Хэмблином будем понимать диалог D^6 двух участников W и B , для каждого из которых имеется непустое количество полей обязательств (commitment store) $C^W(\Sigma c_i)$ и $C^B(\Sigma c_j)$ (где $i, j \geq 1, i, j \in N$), таких что всякое C^Ω есть совокупность вкладов $c^{\Omega}_1, c^{\Omega}_2, \dots, c^{\Omega}_n$ участника в диалоге, охватывающая все вклады этого участника в данном диалоге, начиная с первого раунда этого диалога и до последнего.

Требование непустоты поля обязательств участника диалога проистекает из двух соображений Хэмблина. Во-первых, о том, что рациональным человеком люди склонны считать не того, чья позиция непротиворечива, несмотря на то, что требование непротиворечивости играет здесь важную роль. Скорее рациональным назовут такого, что если ему указывают на противоречивость его позиции (т.е. поля обязательств), то в этой ситуации он способен проверить, так ли это, и, придерживаясь общего представления о том, что такого допускать нельзя, скорректировать свою позицию. Таким образом, требование непустоты поля обязательств есть своего рода необходимое условие рациональности.

Во-вторых, участники (формального) диалога исходят из презумпций «вежливости» и «логичности». Под первой презумпцией подразумевается только то,

⁶ Здесь я ограничиваюсь рассмотрением дедуктивных диалогов, оставляя индуктивные для отдельного исследования.

что они высказываются по очереди, не перебивают друг друга и т.п. Под второй Хэмблин понимает, что участники принимают базовые постулаты (некоторой) логики, а также что всякое следующее действие участника есть логическое следствие из предыдущего замкнутого раунда диалога [Хэмблин 1970, 264].⁷

Корректными действиями участников диалога могут быть либо утверждения, либо вопросы, производимые по определенным правилам. Вкладом участника $c_i^\Omega \dots$ назовем его всякое действие в данном диалоге, соответствующее правилам совершения действий в D , и корректное, согласно определению формального языка D и корпусу синтаксических правил $S1-S6$. Замкнутым раундом диалога D будем считать непустую совокупность корректных вкладов участников, в которой имеется хотя бы одна пара вкладов каждой из сторон, упорядоченная согласно правилам D . Иными словами, всякий раунд D представляет собой корректный вклад одного из участников и ответный корректный вклад другого, где процедура ответа соответствует правилам D .

В зависимости от того, каковы цели вступления участников в диалог, количество корректных вкладов может быть расширено или ограничено. Целями формально-диалектического взаимодействия могут быть выяснение мнения партнера по диалогу по поводу некоторого высказывания, выяснение такого мнения с обоснованием, или же выяснение вообще оснований для принятия некоторого высказывания. С точки зрения формальной диалектики первый и второй тип диалога есть выяснение того, принадлежит ли данное высказывание, либо его отрицание полю обязательств партнера, а третий — того, является ли поле обязательств партнера непротиворечивым после добавления к нему некоторого высказывания или его отрицания. В первом случае речь идет о простейшем типе диалога, или вопросно-ответной диалектической системе. Вторым тип диалога — это «система почему-потому с вопросами». В третьем случае имеет место диалектическая система «почему-потому».

⁷ Ч.Хэмблин специально не оговаривает, какую именно логику (формально-логическую систему) он имеет в виду [Хэмблин 1970, 256]. В силу этого, выяснение вопроса о том, какие именно логические постулаты (аксиомы) составляют всякое первоначальное поле обязательств, есть предмет отдельного исследования.

Формальный язык диалектической системы, помимо метапеременных, используемых как обычно и обозначаемых прописными латинскими буквами, состоит из следующих позиций Prop, Const, Φ :

1) Пропозициональных переменных $\text{Prop} = \{p, q, r, p_1, q_2, r_3, \dots\}$.

2) Стандартных пропозициональных констант $\text{Const} = \{\vee, \neg, \supset\}$.

3) Функторов диалектических действий $\Phi = \{\text{Com}, \text{No}, ?, \text{Why}, \text{Resolve}\}$:

3.1) Утверждение $\text{Com}(A)$, понимается как внесение A в поле обязательств C^{Ω_i} говорящего, если его там нет, а также в C^{Ω_j} слушателя, за исключением двух случаев: когда следующим вкладом слушателя является $\text{Com}(\neg A)$, и когда в ответ на $\text{Com}(A)$ говорящего слушатель возражает $\text{No}(A)$. Слушатель может также при помощи вклада $\text{Why}(A)$ усомниться в том, следует ли ему внести A в свое C^{Ω_j} . В этом случае участник, сделавший вклад $\text{Com}(A)$ в ответ на реакцию слушателя $\text{Why}(A)$ обязан указать основания для внесения слушателем A в свое C^{Ω_j} , и как только такие основания будут им указаны, A помещается в C^{Ω_j} слушателя;

3.2) $\text{No}(A)$, вычеркивает A из поля обязательств C^{Ω_i} говорящего, если оно там есть (и не является аксиомой);

3.3) $?(A)$, помещает A в поле обязательств C^{Ω_i} говорящего, если его там нет, а также в C^{Ω_j} слушателя, при условии, что он следующим вкладом последнего не является $\text{Com}(\neg A)$ или $\text{No}(A)$;

3.4) $\text{Why}(A)$ помещает A в поле обязательств C^{Ω_j} слушателя, если его там нет, при условии, что он следующим вкладом последнего не является $\text{Com}(\neg A)$ или $\text{No}(A)$;

3.5) $\text{Resolve}(A)$ запрашивает слушателя о наличии A в его поле обязательств C^{Ω_j} , не помещая ничего в какое-либо из полей обязательств сторон.

4. Других выражений, кроме указанных в пп. 1)-3), в диалектической системе нет.

Синтаксические правила диалектической системы определяют корректные вклады участников.

S1. Всякий вклад $c_i^{\Omega} \in C^{\Omega_i}$, где $C^{\Omega_i} = \sum c_i$, имеет вид $\Phi(A)$, где A — атомарное выражение, за исключением того, что вклад, содержащий действие $\text{No}(A)$, может также содержать и действие $\text{Why}(A)$.

S2. Действие ? $(A \vee B) \in C^{\Omega_i}$ есть часть корректного вклада $c^{\Omega_i} \in C^{\Omega_i}$, если оно сопровождается одним из следующих действий:

Com $\neg (A \vee B)$ либо

No $(A \vee B)$ либо

Com A или Com B либо

No A или No B.

S3. Действие Why $(A) \in C^{\Omega_i}$ есть часть корректного вклада $c^{\Omega_i} \in C^{\Omega_i}$, если оно сопровождается одним из следующих действий:

Com A либо

No A либо

Com B, где B равносильно A, либо

Com $(B, B \supset A)$.

S4. Действие Com $(A) \in C^{\Omega}$, где A — атомарная формула, в которой имеются вхождения двух и более пропозициональных переменных, является корректным вкладом, если A не содержит иных пропозициональных констант, чем в $\text{Const} = \{\vee, \neg, \supset\}$.

S4. Действие Resolve $(A) \in C^{\Omega_i}$ есть часть корректного вклада $c^{\Omega_i} \in C^{\Omega_i}$, етесли оно сопровождается одним из следующих действий:

No A либо

No $\neg A$.

S5. Других корректных вкладов, кроме описанных в S1 — S4, в диалектической системе нет.

3.3. Примеры диалектических систем.

Рассмотрим вопросно-ответную диалектическую систему (ВОД). Эта система выясняет наличие или отсутствие высказываний в поле обязательств участников без обоснования, поэтому в ней разрешены все действия, кроме Why (A) , т.е. помещения говорящим некоего высказывания в поле обязательств слушателя. Такое действие одновременно есть запрос на обоснование соответствующего высказывания путем

построения логического вывода, где искомое высказывание будет получено из аксиом или других ранее принятых высказываний.

Пример D1.

	W	B
1	? $(p \vee q)$ No $(p \vee q)$	No $(p \vee q)$
2	? $(p \vee \neg q)$ No $(p \vee \neg q)$	Com $(p \vee \neg q)$
3	? $\neg q$	Com $\neg q$
4	Resolve p	Com p

Комментарий к диалогу D1. Диалог D1 является вопросно-ответным, поэтому участник W не вправе требовать от участника B оснований для принятия или непринятия высказываний, однако чтобы выяснить каково поле обязательств B, использует тактику наводящих вопросов. В результате на 4-ом раунде $C_{D1-4}^B = \{p, \neg q\}$. Предположение о том, что это так, можно было сформулировать на 3-ем шаге, потому что $C_{D1-3}^B = \{(p \vee \neg q), \neg q\}$.

Рассмотрим теперь пример диалектической системы типа «почему-потому». В диалоге D2 корректными вкладами являются все действия 3.1-3.5, за исключением 3.3. Таким образом, такой диалог не позволяет просто спросить о наличии некоторого высказывания в поле обязательств партнера, можно лишь спрашивать о том, как можно обосновать то или иное высказывание.

Пример D2.

	W	B
1	Com $\neg p$	No $\neg p$
2	Com q	Com $\neg q$
3	Why $\neg q$	Com $(p, p \supset \neg q)$
4	Resolve p	Com p
5	Resolve $\neg (\neg p \vee q)$	Com $\neg (\neg p \vee q)$

Комментарий к диалогу D2. Стратегию W можно назвать настойчивой, потому что несмотря на очевидность поля обязательств В на 3-ем раунде $C_{D1-3}^B = \{p, \neg q\}$, W на 4-ом и 5-ом раундах требует полной ясности путем занесения высказывания p совместно с $\neg q$ с поле обязательств В.

Пример вопросно-ответного диалога с обоснованием рассмотрен самим Хэмблином [Хэмблин 1970, 267].

4. Риторика в диалектической системе.

После изучения формально-диалектических правил проведения диалогов и (простейших) примеров их применения, настало время обсудить вопрос о том, в чем же проявляются (а) свобода выдвижения позиций и (б) свобода выбора стратегий в диалоге.

На первый взгляд кажется, что свобода (а) есть только у W, начинающего диалог. Однако если рассматривать диалектическую систему как диалог по существу, то принятие роли W или В и есть результат избрания определенной линии поведения, т.е. результат решения вопросов о том, стоит ли начинать (вступать в) диалог, и если да, то в каком качестве.

Казалось бы, там, где действуют логические правила перехода от одного правильно построенного выражения к другому, свободы избрания стратегии быть не может. Тем не менее, на примере D2 видно, что можно избрать как мягкую стратегию, и в этом случае W остановился бы на 3-ем раунде, так и более настойчивую, что и было реализовано. Впрочем, стратегия W могла быть и вовсе иной, более скрытной, или осторожной, при том же самом $C_{D1-5}^W = \{\neg p, q\}$, что и в D2.

Пример D3.

	W	B
1	No p	No $\neg p$
2	No q	Com $\neg q$

3	Why $\neg q$	Com $(p, p \supset \neg q)$
4	Resolve p	Com p
5	Resolve $\neg (\neg p \vee q)$	Com $\neg (\neg p \vee q)$

Рассмотрим теперь поведение В. Есть ли какой-то выбор стратегий для В, или отвечающего участника? Как видно из примера D4 ниже, что фактически при том же $C_{D1-4}^B = \{p, \neg q\}$, стратегия В может быть иной. В примере D4 В ведет себя более скрытно, старательно избегая предъявления высказываний из своего поля обязательств, насколько это позволяют правила.

Пример D4.

	W	B
1	? $(p \vee q)$ No $(p \vee q)$	No $(p \vee q)$
2	? $(p \vee \neg q)$ No $(p \vee \neg q)$	No $\neg(p \vee \neg q)$
3	? $\neg q$	Com $\neg q$
4	Resolve p	No $\neg p$

Стало быть, наличие формализованного языка и ограниченного списка допустимых операций на нем (действий), а также специального протокола их реализации (вкладов и замыкания раундов), не является препятствием для того, чтобы каждый из участников такого взаимодействия мог самостоятельно устанавливать отношение между словом и его выражением в некотором, пусть и ограниченном, языке как с точки зрения выразительных возможностей, так и с точки зрения прагматической определенности своих действий.

5. Заключение.

В начале этой статьи я предлагаю различать стандартный и нестандартный подход к риторике. Если понимать риторiku во втором смысле, т.е. как особое отношение между мыслью и словом, такое при помощи которого мысль оформляется в

слове и тем самым становится в нем, то большинство формальных систем, где определены агенты и их действия, включая и формальную диалектику, подразумевают некий риторический аппарат. Означает ли это, что всякой формальной системе на том основании, что она является знаковой, так же присущи какие-либо риторические свойства? Думаю, что нет, не означает. Я считаю, что необходимым условием присущности риторических свойств некоей формальной системе, выступает не наличие в ней какого-либо языка, но присущность этой системе действий, понимаемых как некое отношение субъекта к какому-то положению дел, а не самих описаний положений дел. Для того, чтобы внедрить риторические характеристики в формальную систему, нужно чтобы эти действия были — во-первых, правильно построенными выражениями этой системы, над которыми данная система можно производить дальнейшие действия, и, во-вторых, как реализациями презумпций (ролей) неких субъектов (агентов), которые могут быть абстрактными, или условными, однако непременно должны быть рациональными (в каком-то смысле). Как пишет Хэмблин, «в обсуждении доказательства участник может быть обязанным сделать некоторый шаг, однако тем самым он не становится обязанным сделать следующий, который может быть дискуссионным. Так обстоит дело, по крайней мере, в смысле «обязательств», относящихся к диалектическим системам... В то же время ясно, что определенные непосредственные следствия высказывания S могут считаться обязательствами, если S является обязательством, и нет необходимости в том, чтобы допускать очевидное и непосредственное противоречие между, к примеру, S и $\neg S$ ». [Хэмблин 1970, 264]

Коль скоро дело обстоит именно так, то всякая диалектическая система обладает какими-то риторическими свойствами, однако ни одна формально-логическая ими не обладает, несмотря на то, что при построении доказательств в последней могут быть использованы различные эвристики. Это происходит вследствие того, что в диалектической системе имеются действующие субъекты, руководствующиеся презумпцией (рационального) выбора (а) и (б).

Литература

1. Волков А.А. Основы риторики. М., 2003.

2. *Бродский А.И.* Тайна диалектической логики \\
http://www.anthropology.ru/ru/texts/brodsky/ruseur_08.html Дата обращения 25.07. 2008.
3. *Гаспаров М.Л.* Риторика (словарная статья). \\
 Большая Советская Энциклопедия. <http://slovari.yandex.ru>. Дата обращения 06.09.2010.
4. *Еемерен, Франс Х. Ван, Гроотендорст Р.* Речевые акты в аргументативных дискуссиях. С-Петербург, 1994.
5. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. М., 1984.
6. *Ладыженская Т.А.* Роскошь или необходимость. Учительская газета, 2006, № 23 (10104) <http://www.ug.ru/archive/13944>. Дата обращения 06.09.2010.
7. *Мигунов А.И.* Аналитика и диалектика: два аспекта логики. \\
 Я. (А.Слинин) и МЫ: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. — СПб., 2002. С. 340
8. *Мигунов А.И.* О риторическом контексте проблемы истины. \\
 Логико-философские штудии. Под ред. Слинина Я.А. СПб, 2001.
9. *Михальская А.К.* Основы риторики. Учебник для 10-11 кл. М., 2005.
10. *Лисанюк Е.Н.* Средневековая логика (XI-XIV вв) \\
 Историко-логические исследования. Межвузовский сборник. Издательство СПбГУ СПб, 2003.
11. *Лисанюк Е.Н.* Утешение логикой? \\
 Вестник СПбГУ, 2004, сер.6, вып.1, N3.
12. *Lorenzen P.* Logik und Agon. \\
 Lorenzen und K. Lorenz. Dialogische Logik. Darmstadt, 1978, 1-8.
13. *Rescher. N.* Dialectics: A Controversy-Oriented Approach to the Theory of Knowledge. Albany (State University of New York Press), 1977.
14. *Rescher, N.* The Role of Rhetoric in Rational Argumentation \\
 Argumentation **12**: 315–323, 1998.
15. *Hamblin Ch.* Fallacies. London, 1970.
16. *Prakken H., Vreeswijk G.* Logic for Defeasible Argumentation \\
 D.M. Gabbay and F. Guentner, Editors, *Handbook of Philosophical Logic, Vol. 4* (2nd Edition ed.), Kluwer Academic, Dordrecht (2002), pp. 218–319.
17. *Wells S., Reed Ch.* Testing formal dialectic. \\
 Lecture Notes in Computer Science. Ed. S.Parsons et el. Vol. 4049\2006Berlin Springer Verlag, 2006. . P. 74-87.

Об авторе

Елена Николаевна Лисанюк — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры логики С-Петербургского госуниверситета, elenalisanyuk@yandex.ru.

About author

Dr. Elena Lisanyuk, Associate Professor, Department of Logic, Saint Petersburg State University, elenalisanyuk@yandex.ru.